

ОМОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИНСТВА В ДАГЕСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ АРТЕФАКТ? (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Предметом исследования в настоящей статье является динамика среднего возраста матери в Дагестане, которая в последнее десятилетие существенно отличается от общероссийской. Выводы статьи построены как на данных официальной статистики, так и на предварительных результатах нашего полевого исследования, выполненного в сельских поселениях Дагестана. Тенденция к омоложению рождаемости, как без учета порядка рождения, так и при рождениях первого и второго порядка, подтверждается всеми используемыми в статье источниками данных.

В существующих исследованиях среди прочих отмечаются два важных фактора, способных «тормозить» старение материнства, ожидаемое при снижении общего уровня рождаемости. Это, во-первых, большая роль религии (в основном ислама) в изучаемом социуме, и, во-вторых, высокая степень сохранности традиционного уклада семейной жизни. В нашем исследовании предварительные результаты показывают, что для Дагестана имеется больше оснований предполагать действенность первого, а не второго фактора.

Ключевые слова: демографический переход, средний возраст матери при рождении ребенка, Дагестан.

Введение

Предметом исследования в настоящей статье является динамика среднего возраста матери в Дагестане. Эта динамика представляет значительный интерес потому, что существенно отличается от общероссийской. Если в РФ в целом в последнее десятилетие наблюдается устойчивый рост среднего возраста матери как без учета порядка рождения, так и по отдельным порядкам, включая первый и второй, то в Дагестане, напротив, имеет место омоложение материнства. Это проявляется как в сокращении общего показателя среднего возраста матери, так и в уменьшении среднего возраста «старта» деторождения.

Такая ситуация весьма необычна, в частности, потому, что в Дагестане к настоящему времени имеются все признаки завершения «первого демографического перехода». А именно: вслед за сокращением смертности в 1950-1960-е годы в регионе имело место снижение рождаемости, которая к концу 1990-х вышла на уровень простого воспроизводства населения. В большинстве стран, где имел место первый демографический переход, он сопровождался повышением среднего возраста матери. Противоположная динамика, наблюдаемая в Дагестане, требует объяснения.

Константин Игоревич Казенин (kz@ranepa.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия).

Владимир Александрович Козлов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья отражает результаты исследования по НИР РАНХиГС 2016 года "Влияние социальных изменений на рождаемость в регионах Северного Кавказа".

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

В статье, основная цель которой состоит в постановке проблемы, обсуждаются как данные официальной статистики, так и предварительные данные нашего полевого исследования, осуществляемого в выборке сельских поселений Дагестана. Тенденция к отсутствию старения и в некоторых поселениях даже к омоложению рождаемости подтверждается всеми используемыми в статье источниками данных. Полевое исследование уже на данном этапе дает некоторую основу для обсуждения причин данного явления.

В первом разделе статьи приводятся данные по динамике общего уровня рождаемости в постсоветском Дагестане, показывающие окончание там первого демографического перехода, который в большинстве регионов России завершился к началу 1960-х годов. Во втором разделе суммируются данные официальной статистики по среднему возрасту матери в сельском Дагестане. Отдельное внимание к рождаемости именно на селе обусловлено тем, что наше полевое исследование на данном этапе касается сельской местности. Также кратко обсуждаются возможные проблемы с достоверностью приводимых официальных данных. В третьем разделе приводятся имеющиеся на данный момент результаты нашего полевого исследования, а четвертый раздел формулирует гипотезы, объясняющие нестандартный «тайминг» рождаемости в регионе.

1. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРВОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Несмотря на то, что в России в целом около 20 лет назад начался второй демографический переход, для Дагестана сейчас в большей степени характерны явления окончания первого демографического перехода. Данные официальной статистики по рождаемости в Дагестане за 1990-2014 гг.¹ показывают, что в этот период рождаемость в регионе снизилась до уровня, который, как считается, обеспечивает воспроизводство, но не прирост населения: суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Дагестане в 1990 г. составлял 3,1, в 2014 г. - 2,08 (данные Росстата)². Важно отметить, что снижение СКР шло одновременно с интенсивной миграцией из региона русского населения, у которого спад рождаемости, в том числе и в Дагестане, произошел существенно раньше. Возможно, частично это и повлияло на общее сокращение рождаемости в регионе, однако доля русских (а также других национальностей, у которых демографический переход к тому моменту уже произошел) в численности населения республики уже к 1990 г. была довольно мала³. К тому же снижение рождаемости в указанный период происходило и у коренных народов республики (подробнее об "этническом" аспекте снижения рождаемости см. ниже).

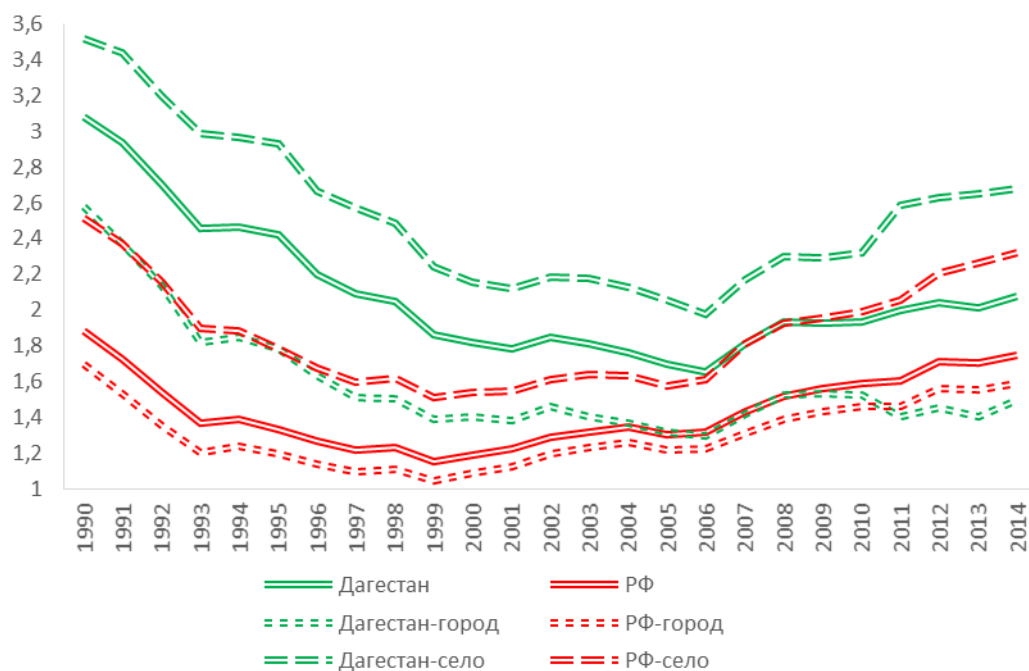
Снижение СКР имело место как в городском, так и в сельском Дагестане, при этом абсолютный уровень СКР на селе ожидаемо превышал таковой в городе. После 2007 г.

¹ На момент подачи статьи в журнал данные за 2015 г. являлись предварительными.

² По предварительным данным Росстата в 2015 г. показатель СКР в Дагестане снизился до 2,02.

³ По переписи 1989 г. – около 9,2% в населении. За период с 1979 до 2010 г. произошло снижение с показателя 11,6 до 3,6%.

наблюдается подъем СКР, что отражает известный общероссийский тренд, связанный с государственной политикой по поддержанию рождаемости. Общий уровень СКР в Дагестане при этом не превысил уровня, соответствующего простому воспроизводству населения. Как и по России в целом, это недавнее повышение рождаемости не дошло до тех уровней, при задержке рождаемости на которых принято говорить о "тормозящем" (stalling) демографическом переходе [Bongaarts 2006; 2008; Ezeh, Mberu, Emina 2009; Cetorelli, Leone 2012].

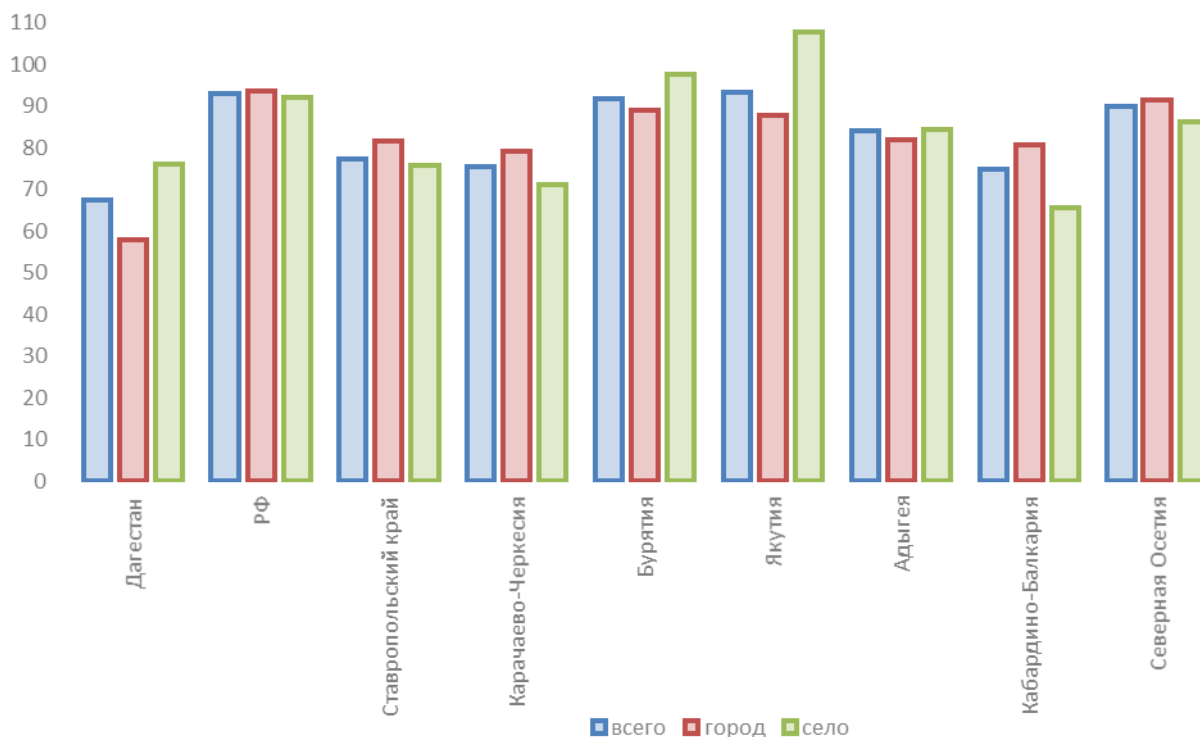

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости в Дагестане и России в 1990-2014 гг., детей на 1 женщину

Источники: Расчеты авторов по [Приложение Демоскоп Weekly 2016; РосБРУС 2016].

Хронологическое "отставание" Дагестана по снижению рождаемости от России в целом показано на рисунке 1. Кроме того, как видно на рисунке 2, СКР в Дагестане за период 1990-2014 гг. снизился в наибольшей степени по сравнению с регионами Северного Кавказа, а также рядом национальных республик Сибири⁴. В то же время отметим, что современный показатель рождаемости сельского населения отклоняется от 1990 г. примерно на такую же величину, что и в других республиках Северного Кавказа.

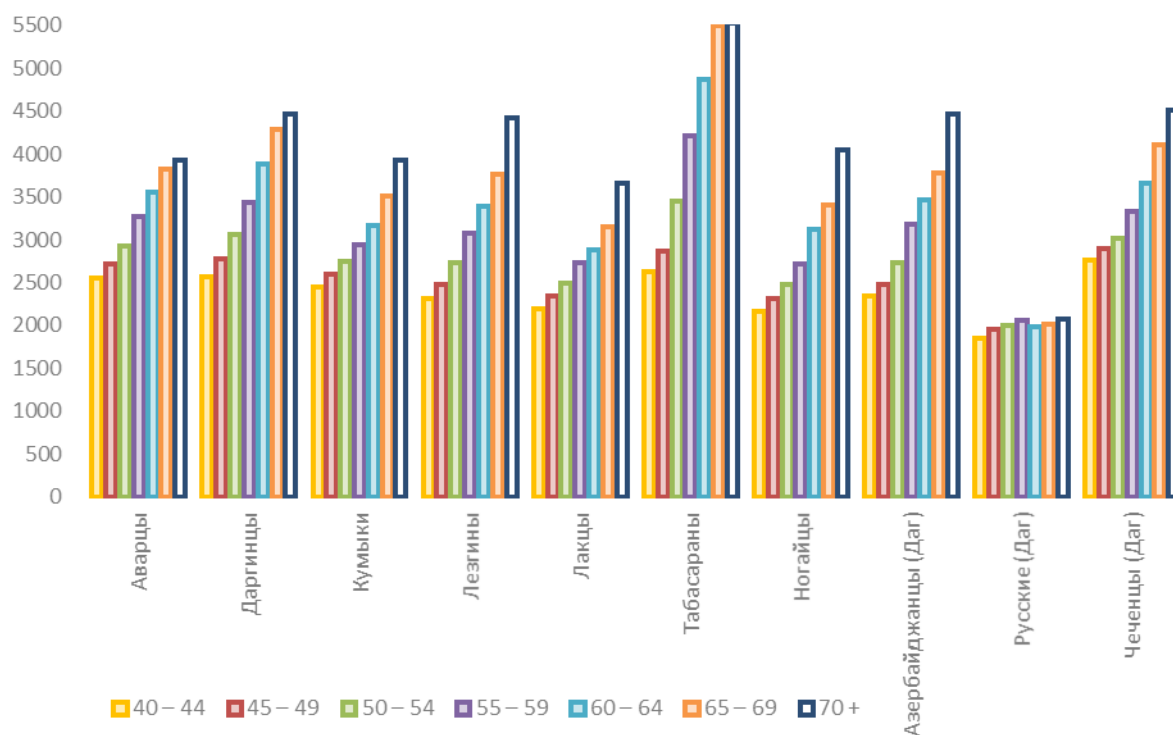
⁴ Без учета Чечни и Ингушетии. Также на рисунке для сравнения приводятся регионы с относительно высокой долей титульных наций в населении.

Рисунок 2. Отношение суммарного коэффициента рождаемости 2014 г. к уровню 1990 г., %

Источники: [Демографический ежегодник... 2015], расчеты авторов по [Приложение Демоскоп Weekly 2016].

Исходя из данных Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее ВПН-2010), сокращение рождаемости в Дагестане началось ранее 1990 г. и в предшествовавшие ему десятилетия имело место у всех коренных этносов. На рисунке 3 отражен общий уровень рождаемости в разных возрастных группах, завершивших или завершавших детородный цикл к 2010 г., для основных коренных этносов Дагестана. Видно, что у всех коренных этносов общее число детей на одну женщину для женщин, которым в 2010 г. было 40-45 лет, по крайней мере, на треть ниже, чем у женщин, которым в 2010 г. было 70 и более лет. График также показывает, что рождаемость старших возрастных групп у разных этносов была не одинаковой. Так, у лачек, которым в 2010 г. исполнилось 70 и более лет, общее число детей на одну женщину было примерно на 40% ниже, чем у табасаранок. Интересно, что межэтнические контрасты, наблюдаемые у старших возрастных групп, частично воспроизводились и у самых младших. Так, среди женщин, которым в 2010 г. было 40-44 года, самый низкий уровень этого показателя после русских наблюдался у лачек, а также у ногаек, которые в старших поколениях занимали положение в середине иерархии. С другой стороны, быстрее всего рождаемость снижалась у табасаранок (демонстрировавших для поколений 1940 г. рождения и старше самые высокие показатели в нашей выборке).

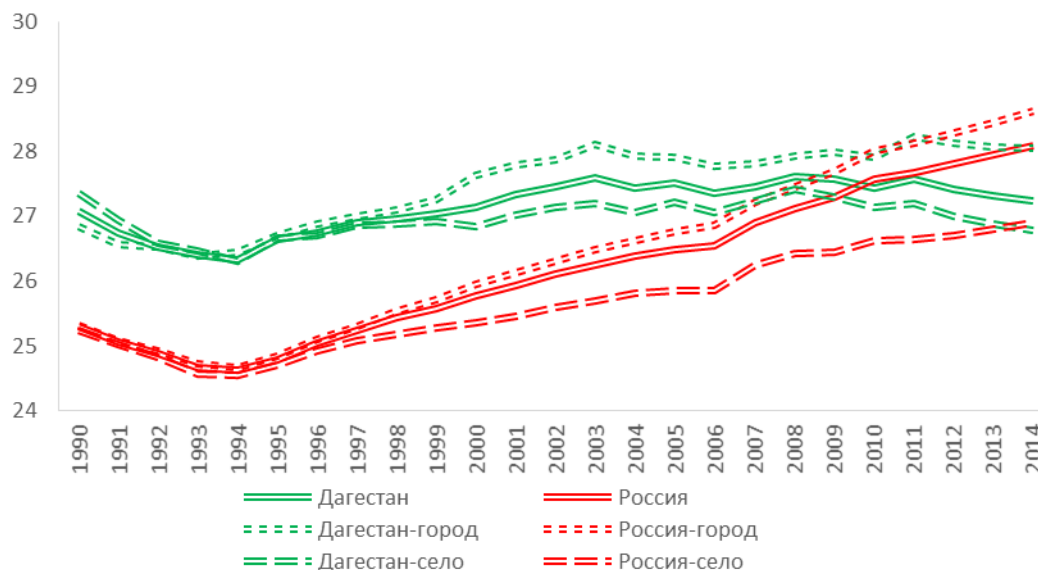
Рисунок 3. Накопленная рождаемость женщин Дагестана, достигших определенного возраста к ВПН-2010, по национальностям, на 1000 женщин соответствующего возраста, указавших число рожденных детей

Источник: Расчеты авторов по [Всероссийская перепись...2010].

Подведем итог рассмотрения наиболее общих статистических данных по рождаемости. Официальная статистика показывает, что в постсоветский период в Дагестане завершился процесс снижения рождаемости, соответствующий первому демографическому переходу. Этот процесс, по официальным источникам, затронул как город, так и село и имел место для всех крупных коренных народов республики, хотя и не вполне синхронно. В большинстве регионов Центральной России первый демографический переход произошел значительно раньше, при этом с середины 1990-х годов в России начался и второй демографический переход. Некоторое повышение рождаемости в Дагестане с 2007 г. соответствовало общероссийскому тренду, поэтому не является уникальным феноменом.

2. ДИНАМИКА ВОЗРАСТА МАТЕРИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ: ДАННЫЕ СТАТИСТИКИ

Обратимся теперь к официальным данным по возрасту материнства. Отличия Дагестана от России в целом довольно существенны. Это касается как текущих значений, так и тенденций.

Рисунок 4. Средний возраст матери при рождении ребенка в Дагестане и России без учета очередности

Источник: Расчеты авторов по [РосБРиС 2016].

В данном разделе мы рассмотрим два параметра: средний возраст матери и коэффициенты рождаемости в разных возрастных группах.

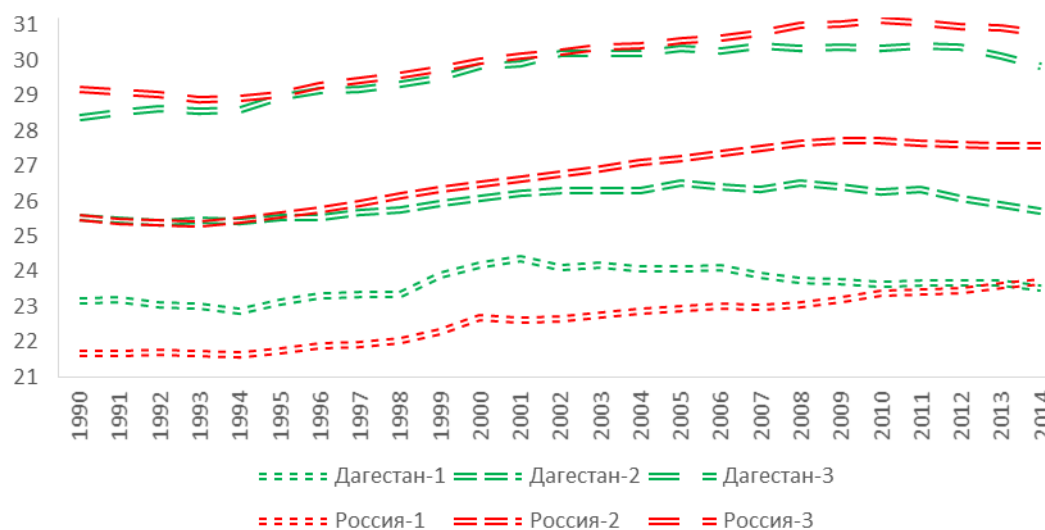
2.1. Средний возраст матери в сельской местности

Как показывают данные Российской базы данных по рождаемости и смертности (РосБРиС), дагестанская и общероссийская динамика возраста матери по-разному соотносятся при разных порядках рождения. При рождении *первого* ребенка в Дагестане средний возраст матери в настоящее время не демонстрирует тенденции к повышению в отличие от России в целом (рисунок 5). В Дагестане он начал снижаться с 2006 г. и остается примерно на одном уровне с 2008 по 2013 г., тогда как в сельской России в целом за весь отраженный графиком период шло монотонное повышение показателя с коротким периодом его стабилизации в период, когда вводились в действие пронаталистские меры семейной политики (2006-2008 гг.).

Средний возраст матери при рождении *второго* ребенка в Дагестане повышался до 2005 г., затем несколько опустился, в 2008 г. вернулся на уровень 2005 г., но после этого кратковременного «отскока» вверх возобновил снижение. По сельской России в целом снижение после пятнадцатилетнего монотонного роста началось в 2009 г. В 2011-2013 гг. в Дагестане снижение оказалось почти в 3 раза большим, чем в целом по России.

Динамика возраста матери при рождении *третьего* ребенка в сельском Дагестане и в целом в сельской России примерно одинакова, тем не менее в 2000-е годы началось расхождение показателей, и к 2013 г. в Дагестане средний возраст матери при рождении третьего ребенка был ниже общероссийского на 0,8 года. Учитывая стабильно более высокую долю рождений низких порядков в общей массе рождений, вполне ожидаемо, что Дагестан не демонстрирует в 2010-е годы и общероссийского роста среднего возраста

матери без учета порядка рождений. Как видно на рисунке 4, в России в целом этот показатель растет, а в Дагестане – снижается.

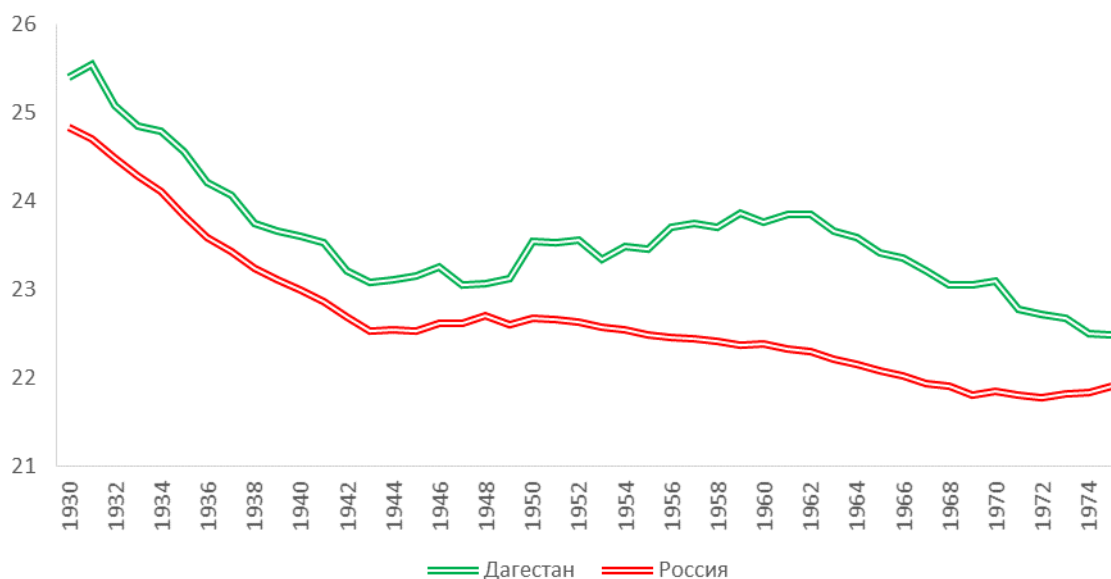

Рисунок 5. Средний возраст матери при рождении детей различной очередности в сельской местности России и Дагестана

Источник: Расчеты авторов по [РосБРиС 2016].

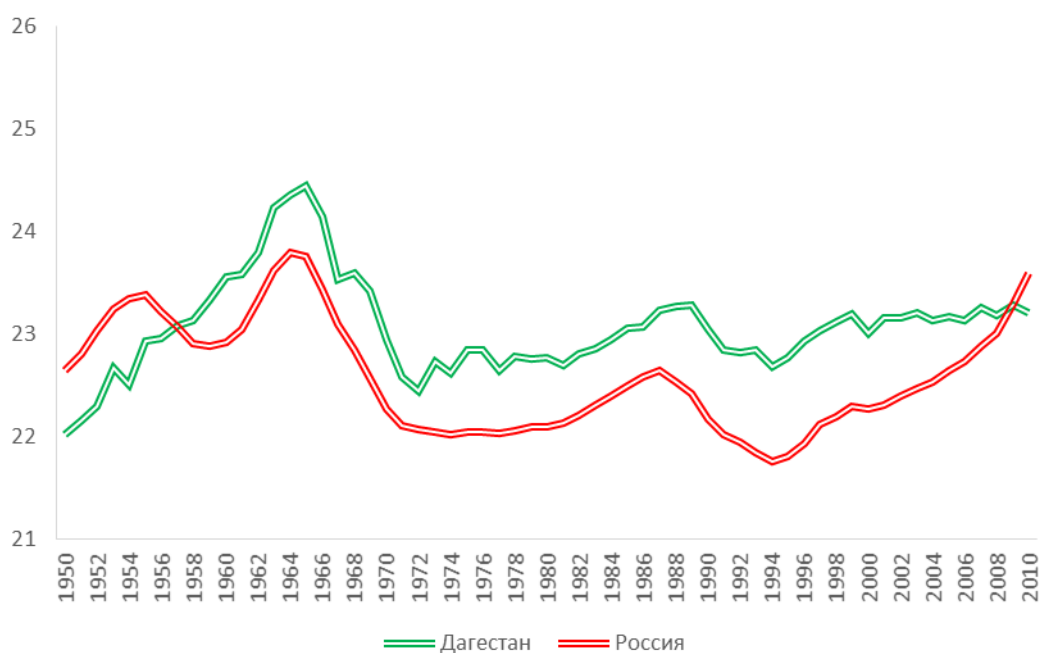
Тот факт, что рассогласование динамики возраста материнства в сельском Дагестане и в сельской России в целом произошло именно в 2000-е годы, подтверждается и данными Всероссийской переписи населения 2010 г., на основе которых средний возраст матери при рождении первого ребенка может быть рассчитан как по годовым периодам, так и по когортам матерей разных годов рождения. Как видно на рисунке 6, отражающем динамику среднего возраста матери при рождении первого ребенка по годам рождения матерей для возрастных групп 1930-1975 гг. рождения, возраст матери при рождении первого ребенка в сельском Дагестане и в сельской России в основном менялся для этих возрастных групп параллельным курсом с постоянно более высоким возрастом в Дагестане. В частности, понижение среднего возраста «старта» материнства у возрастных групп 1960-х годов рождения, которое принято связывать с мерами советского правительства по повышению рождаемости в 1980-е годы [Zakharov, Ivanova 1996], в Дагестане было даже более существенным, чем в России в целом. Заметное расхождение в трендах видно только между женщинами, рожденными в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Если рассматривать средний возраст матери по году рождения ребенка по данным ВПН-2010, то видно, что Дагестан в 1960-е годы стал соответствовать общероссийскому тренду, от которого в 1950-е годы несколько отклонился: в республике показатель рос, в то время как в России наблюдались его колебания. Данные за 2000-е годы в целом подтверждают результаты текущей статистики: несмотря на резкий рост среднего возраста матери в сельской России практически до самых высоких послевоенных значений, в Дагестане наблюдается стагнация этого показателя.

Рисунок 6. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в Дагестане и России. Когортные показатели по годам рождения матерей

Источник: Расчеты авторов по [Всероссийская перепись...2010].

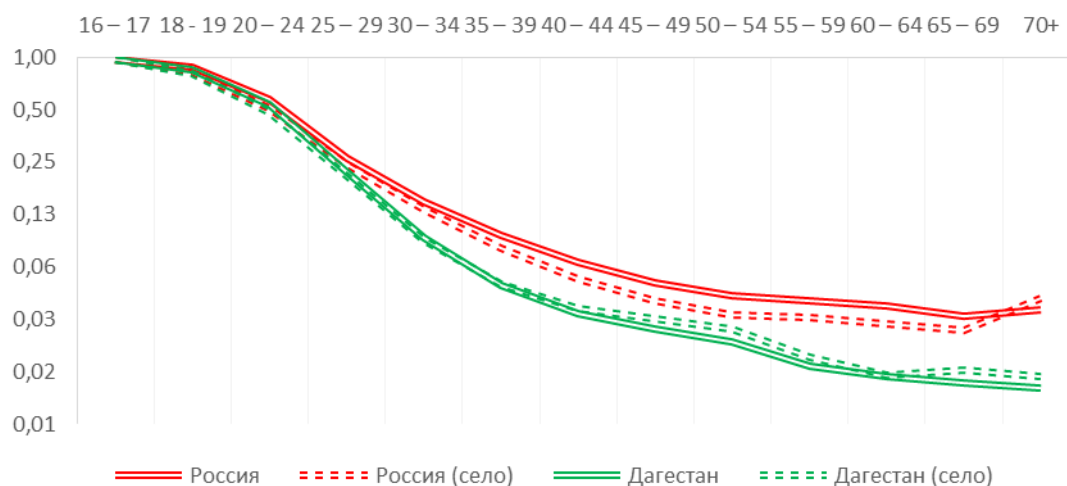
Рисунок 7. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в Дагестане и России. Показатели для календарных периодов по годам рождения детей

Источник: Расчеты авторов по данным [Всероссийская перепись...2010].

Таким образом, данные по среднему возрасту матерей показывают, что заметное расхождение в динамике возраста материнства между сельским Дагестаном и сельской Россией в целом возникло лишь в 2000-е годы. Все наблюдаемые различия в динамике ведут к большей устойчивости молодого материнства в Дагестане по сравнению с Россией в целом.

Отметим, что различия в возрасте старта материнства лишь частично могут быть объяснены различиями в брачном поведении. Рисунок 8 показывает, что в целом доля женщин, никогда не состоящих в браке (зарегистрированном и незарегистрированном), для возрастов 16-17 и 18-19 лет в России и Дагестане примерно одинакова (если сопоставлять Россию с Дагестаном, а сельскую Россию с сельским Дагестаном). К возрастам 25-39 лет появляется небольшая разница в доле безбрачия – примерно, на 4-5 п.п.

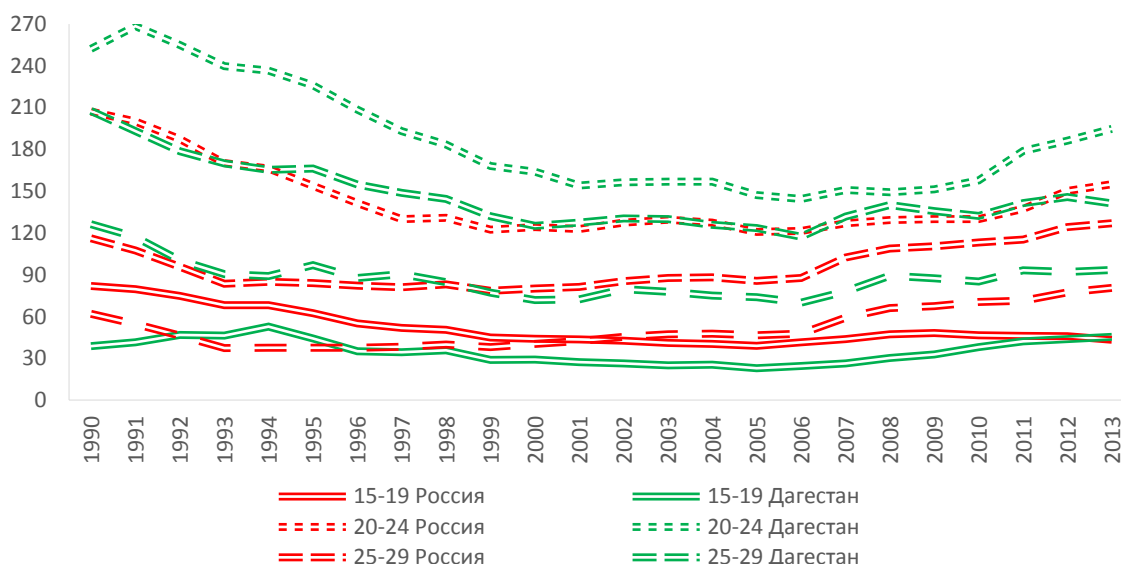
Рисунок 8. Доля никогда не состоявших в браке к достижению определенного возраста в России и Дагестане в 2010 г. среди указавших брачное состояние (логарифмическая шкала с шагом 2)

Источник: [Всероссийская перепись...2010].

2.2. Возрастные коэффициенты рождаемости

Демонстрируемая Дагестаном тенденция к более молодому, чем по России в целом, материнству видна и из динамики возрастных коэффициентов рождаемости. На рисунке 9 представлены возрастные коэффициенты для сельского Дагестана без учета порядка рождения.

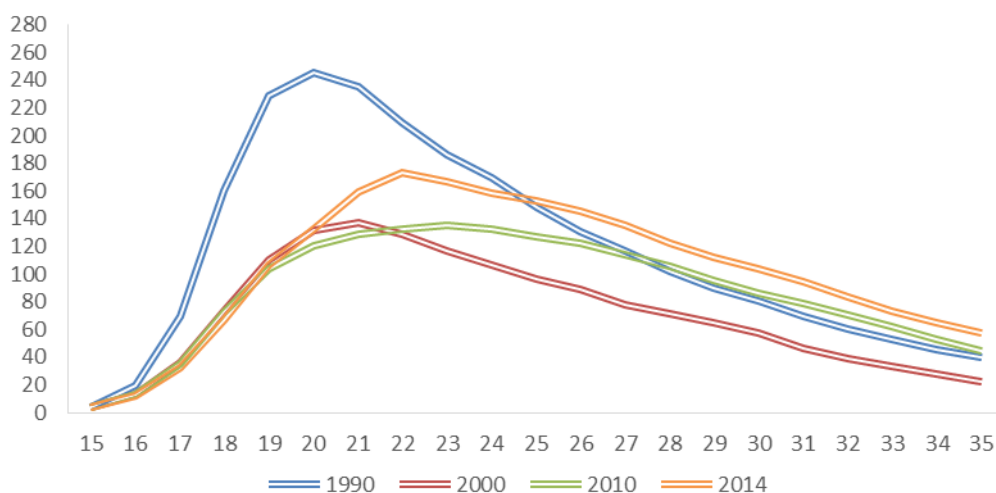
Как видно, динамика возрастных коэффициентов рождаемости в сельском Дагестане и в сельской России в целом в начале 2010-х годов различалась именно в молодых возрастных группах: в группе 15-19 лет в Дагестане был рост при падении в России в целом, в группе 20-24 года в Дагестане - более быстрый рост. Это соответствует тенденции к более молодому материнству в Дагестане. Также видно, что на предшествующем этапе, в 2005-2008 гг., коэффициенты для молодых возрастных групп росли и в России в целом, но затем этот рост замедлился по сравнению с «дагестанским» или вовсе остановился.

Рисунок 9. Возрастные коэффициенты рождаемости в сельской местности Дагестана в 1990-2013 гг., на 1000 женщин, без учета порядка рождения

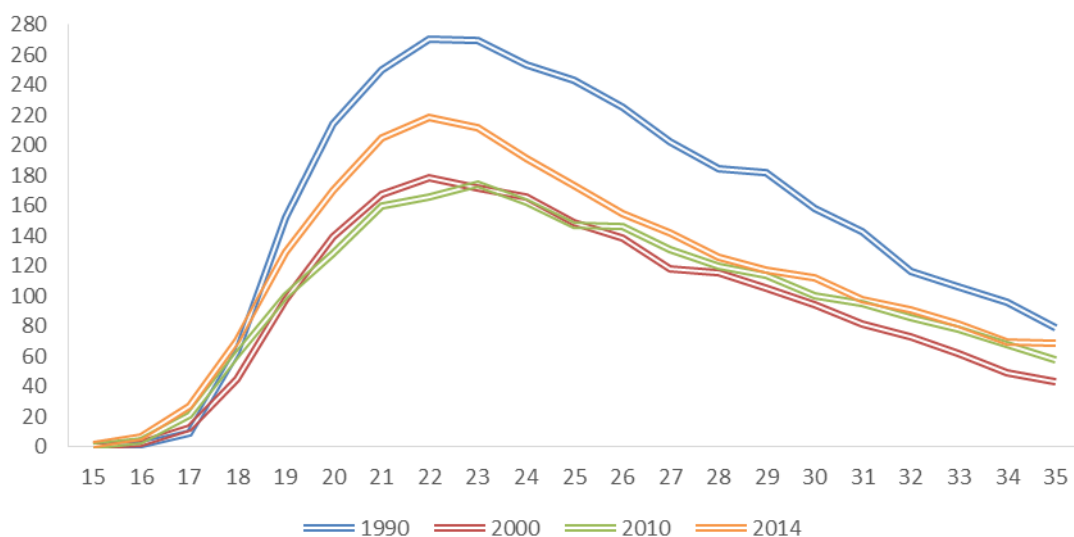
Источник: Расчеты авторов по [РосБРУС 2016].

На разницу в тенденциях, касающихся возраста материнства, указывает и динамика возрастных коэффициентов рождаемости для первых детей. Рисунки 10 и 11 показывают ее для сельской России и сельского Дагестана в 1990, 2000 и 2010 гг. В сельской России в целом распределение старта материнства по возрастам в 2010 г. было значительно более «пологим», чем в 2000 и 1990 гг., за счет увеличения рождений первых детей в более поздних возрастах, тогда как в Дагестане таких изменений не произошло: возрастные коэффициенты в 2010 и 2014 гг. были выше, чем в 2000 г., в молодых возрастах, в которых даже наблюдалось небольшое повышение по сравнению с 1990 г.

Рисунок 10. Возрастные коэффициенты рождаемости первых детей в сельской местности в России, на 1000 женщин

Источник: Расчеты авторов по [РосБРУС 2016].

Рисунок 11. Возрастные коэффициенты рождаемости первых детей в сельской местности в Дагестане, на 1000 женщин

Источник: Расчеты авторов по [РосБРУС 2016].

Подведем итог. Сельский Дагестан по состоянию на 2014 г. мало отличался от сельской России в целом по общему уровню и тенденциям рождаемости, однако демонстрировал заметные отличия по возрасту материнства. Именно отсутствие «старения» материнства в Дагестане образует явный контраст с общероссийскими тенденциями даже на селе, где, по сравнению с городом, не наблюдалось такого значительного старения и перемещения возраста рождения ребенка в старшие возраста. Прежде этого контраста не было, он появился лишь на рубеже 2000-х – 2010-х годов.

2.3. Достоверность полученных результатов

Среди специалистов довольно часто встречается критика достоверности переписных, следовательно, и текущих данных об общей численности населения Дагестана [Андреев 2012; Богоявленский 2008; 2012]^{5,6}. Соответственно, очень сомнительным кажется исследователям уровень рождаемости в дагестанских городах, примерно соответствующий уровню Центральной России. При корректировке данных после переписи приходится декларировать положительный миграционный прирост, что не подтверждается не работающими непосредственно со статистикой исследователями Дагестана (социологами и этнографами).

Рассмотрим, как будут выглядеть искажения численности населения при анализе рождаемости. Есть основания полагать, что больших расхождений между реальным и

⁵ Шахбанов М. (2011). Дагестанцы и чудеса азербайджанской статистики // Портал Федеральной лезгинской национально-культурной автономии. URL: <http://fnka.ru/digest-analytics/286-marko-shahbanov-dagestancy-i-chudesa-azerbaydzhanskoj-statistiki.html> (дата обращения: 27.05.2016).

⁶ Шахбанов М. (2012). Русские, азербайджанцы, горцы: почему искажены итоги переписи в Дагестане? // Информационное агентство Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1497900.html> (дата обращения: 27.05.2016).

декларированным числом рождений в Дагестане не наблюдается, т.е. статистически значимых «приписок» рождений нет. Для подтверждения данной гипотезы обратимся к данным Фонда социального страхования (ФСС). По ним можно предположить, что часть детей в отчет по ФСС не попадает, что приводит к чуть более низким значениям суммарного коэффициента рождаемости в целом по республике, если они рассчитаны по данным ФСС, а не Росстата⁷. Однако данное расхождение может быть не связанным с «приписками» в чистом виде, так как часть рождений может происходить на дому и не попадать сразу в данные фонда. Показатель средней очередности рождений (СОР)⁸, рассчитанный по данным ФСС, но с использованием знаменателя (количества женщин в различных возрастных группах) Росстата, указывает на рождаемость, примерно, на уровне 1,9 ребенка на женщину, что отличается от показателя СКР в сторону понижения. Причиной может быть завышение численности постоянного населения (из-за более высокого значения знаменателя конечный возрастной коэффициент рождаемости становится ниже). С другой стороны, такое расхождение (нехарактерное для современной России, где СОР превышает СКР) может быть вызвано отсутствием практики откладывания рождения детей и форсированным снижением среднего возраста матери.

Однако данные ФСС все же позволяют увидеть некоторую странность в рождаемости в республике. Если рассмотреть долю рождений по очередности, то даже по, вероятно, слегка неполным данным ФСС выходит, что Дагестан относится к числу регионов - лидеров по доле детей третьей и более высоких очередностей (31,4% из всех рожденных детей), опережая Республику Алтай, Якутию и только слегка отставая от Тувы (это регионы с СКР, достаточным для расширенного воспроизводства населения и превышающим уровень Дагестана по данным Росстата; см., например, рисунок 2). Следовательно, реальный показатель СКР в республике может быть действительно выше. Однако это необязательно так: по тем же данным ФСС, схожее с Дагестаном распределение имеет и Республика Калмыкия (29,8% рождений приходится на детей 3 и более высоких очередностей в 2013 г. при показателе в Дагестане на уровне 30%), где в наблюдаемый период СКР был ниже 1,89, а сообщений о неверном учете населения практически нет.

Серьезной проблемой с официальной статистикой населения по Дагестану, как показано экспертами [Андреев 2012], является переучет населения республики. Он вызван зачастую двойным счетом: например, сельские жители учитываются и в городе, куда они мигрируют, в ряде случаев временно, и на селе. Переучет, по оценкам Е.М. Андреева, произошел во время Всероссийских переписей населения 2002 г. (ВПН-2002; численность населения по переписи разошлась с допереписными расчетами на 380 тыс. человек) и 2010 гг. (расхождение более, чем на 150 тыс.). Эти цифры косвенно подтверждаются данными списков для голосования. Из-за переучета реальный знаменатель при расчете показателей рождаемости будет существенно ниже указанного статистическими органами, что и приводит к занижению показателя рождаемости в официальной статистике. Почти

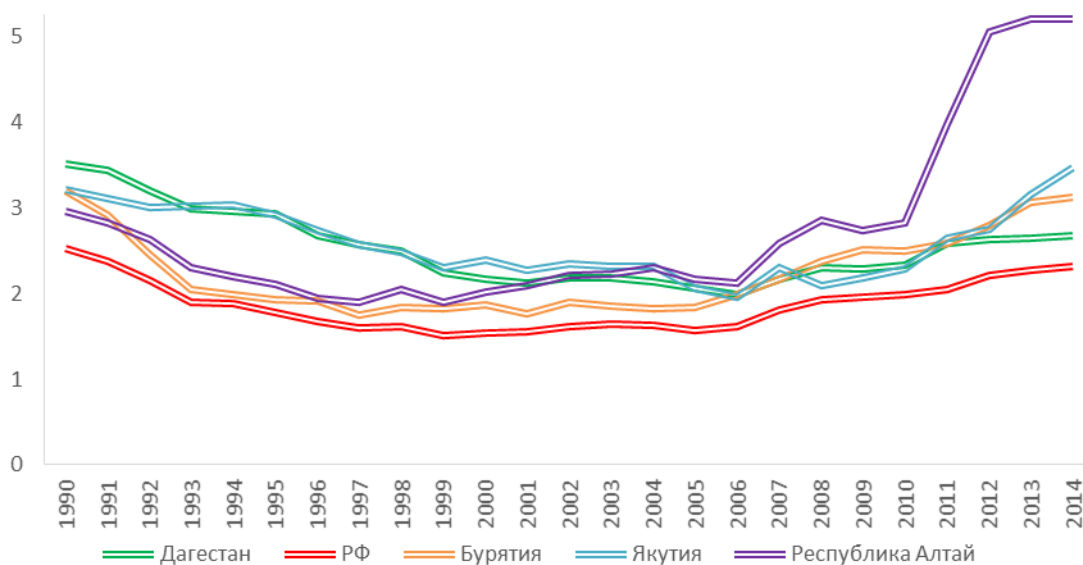
⁷ Так, рассчитанный для аналогичной численности женщин по возрастам по численности рождений из ФСС СКР в 2013 г. составляет в Дагестане около 1,9, а по данным Росстата – 2,015.

⁸ Средневзвешенный показатель СКР по очередностям рождения.

наверняка низкие показатели СКР в городах Дагестана, основанные на официальной статистике, именно этим и объясняются.

При этом проблемы неверного учета населения неодинаковы для различных возрастов. По данным Андреева, в результате ВПН-2010 во всем населении Дагестана имел место провал численности когорты 1981-85 гг. рождения. Если это недоучет, то реальные возрастные показатели женщин данного возраста будут ниже, так как мы имеем дело с заниженным знаменателем. Однако если, как полагают эксперты, по данным ВПН-2002 численность этих поколений была завышена, тогда имеет место возвращение к исходной численности, и влияния на исходную рождаемость и возраст матери эта когорта не окажет. В то же время в ВПН-2010 появилось и вероятное завышение численности населения в молодых возрастах (около 1990 года рождения). Таким образом, кроме того, что в подобных условиях возрастные коэффициенты рождаемости в реальности должны быть выше, они должны быть выше именно в молодых возрастах, что может привести не только к реально более высокому СКР, но и более низкому, чем наблюдается, возрасту матери.

Из сказанного можно сделать вывод, что те корректировки, которые могли бы быть сделаны для данных о рождаемости в Дагестане с учетом вероятных ошибок официальной статистики, скорее всего, не приведут к повышению показателей возраста материнства.

Рисунок 12. Суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности ряда регионов России, 1990-2014 гг., детей на 1 женщину

Источник: Расчеты авторов по неопубликованным данным Росстата и [РосБРУС 2016].

Отметим также, что, так как наше полевое исследование касается сельского населения, нам важнее понять, в какой степени неверный расчет знаменателя возможен именно для жителей села. Считается, что в ряде регионов РФ на селе имеет место недоучет взрослого населения при полной регистрации всех родившихся детей (например, потому, что родители, переехавшие в город на постоянную или временную работу, учитываются в

городе⁹, а их родившиеся дети - на селе, куда взрослые едут рожать). Это приводит к явному завышению СКР сельского населения. При таких статистических искажениях ожидается скачкообразное изменение этого показателя для сельской местности, что наблюдается в ряде регионов с небольшой численностью населения (рисунок 12). При сопоставлении со «скачками», наблюдаемыми в Якутии и Республике Алтай (регионов, относительно которых известна проблема недоучета взрослого населения на селе), видно, что в Дагестане динамика СКР на селе более «гладкая», что позволяет предположить, что данная проблема для этого региона неактуальна (хотя не стоит забывать и про большую численность населения Дагестана по сравнению с Якутией и Республикой Алтай). На основе этого сопоставления более вероятным в Дагестане представляется двойной учет и взрослого населения, и детей в селе и в городе, что для села означает регистрацию там жителей, фактически проживающих в городах. Однако это искажение данных не должно вызвать искусственного роста показателей рождаемости на селе.

Тем не менее, учитывая имеющиеся критические замечания по поводу качества учета населения в Дагестане, важно проведение полевых исследований для подтверждения и возможного объяснения феномена необычной рождаемости в республике.

3. Возраст матери в отдельных селах Дагестана: полевые данные подтверждают статистику

Данные официальных источников, представленные выше, частично подтверждаются нашими данными о рождаемости в отдельных селах Дагестана. Эти данные получены в ходе полевого исследования, проведенного нами в 2015-2016 годах. В общей сложности в ходе нашего исследования изучалась рождаемость в 20 селах, которые распределены между основными географическими поясами Дагестана (горы, предгорья, равнина) и в населении которых представлены все наиболее многочисленные народы этой республики. Основным источником информации в ходе исследования служили в городах Дагестана данные сельских медицинских учреждений. Использовалась информация медицинских карт детей 2013-2014 гг. рождения о возрасте матери ребенка и очередности деторождения. Учитывались только те медицинские карты, в которых имелись записи об обращениях к врачу в течение последнего года (косвенный индикатор того, что ребенок и его мать проживают в селе). Для оценки того, насколько множество детей, учтенное таким образом в ходе исследования, отличается от полного множества детей, родившихся в селе в указанные годы, число учтенных детей сопоставлялось с учетными данными медицинского учреждения и сельской администрации за соответствующие годы. Общая достоверность данных медицинских учреждений о числе детей контролировалась также путем сопоставления этих данных для детей старших возрастов с данными сельской школы о числе учащихся тех же возрастов.

На момент публикации мы имеем обработанные данные по 11 из 20 исследуемых сел, поэтому наши наблюдения носят сугубо предварительный характер. В таблице 1 приведены села, данные по которым рассматриваются ниже.

---

⁹ Особенно, если они были переписаны именно в городе.

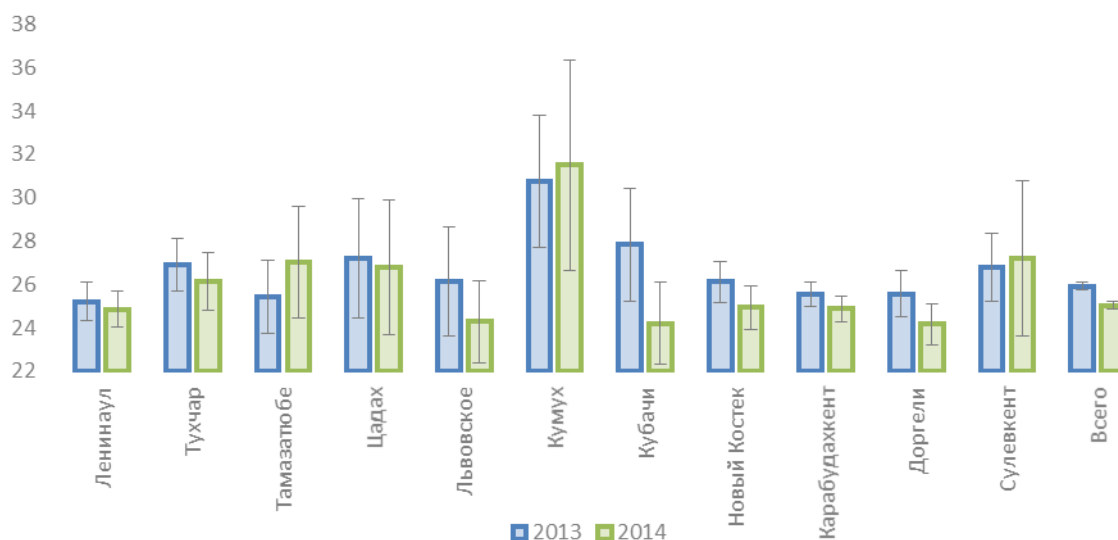
Во всех этих селах число рождений, учтенных в нашем исследовании, составляло не менее 70% от рождений, имевших место в селе по сводным данным местных медицинских учреждений, и не менее 50% от рождений, имевших место по данным сельской администрации. Таким образом, можно говорить о достаточной репрезентативности имеющихся у нас данных.

Таблица 1. Данные о селах, вошедших в исследование

Географическая зона	Село (национальность и численность населения, человек)
Горы	Кубачи (даргинцы; 3060); Кумух (лакцы; 1930)
Предгорья	Ленинаул (аварцы и чеченцы; 8340); Тухчар (аварцы, лакцы и чеченцы; 3567); Карабудахкент (кумыки и даргинцы; 15356), Доргели (кумыки; 5783)
Равнина	Цадах (аварцы; 503); Тамазатюбе (ногайцы; 1718); Львовское-1 (кумыки; 1262); Новый Костек (даргинцы; 4524), Сулевкент (даргинцы, 2665)

Примечание: Расчеты авторов по [Всероссийская перепись...2010].

На рисунке 13 приведены данные по среднему возрасту матери в изученных селах в 2013 и 2014 г. (без учета порядка рождения). Из рисунка видно, что по селам наблюдается существенная вариация показателя, однако средние значения возраста матери по всем исследованным на данный момент селам в 2013 г. (25,92) и в 2014 г. (25,03) немного ниже средних для указанных лет значений для сельского Дагестана (составляют 26,88 и 26,77 соответственно; см. рисунок 4). Таким образом, результаты по данной выборке сел согласуются с данными РосБРС и Росстата об омоложении материнства в Дагестане, указывая текущий уровень среднего возраста матери как несколько более молодой, чем высчитывается по официальным данным по республике.

Рисунок 13. Средний возраст матери в отдельных селах Дагестана в 2013-2014 гг. без учета порядка рождений

Примечания: Доверительные интервалы строятся по нормальному распределению для числа наблюдений (деторождений) более 30 и по распределению Стьюдента для числа наблюдений менее 30. Показаны доверительные интервалы при $p < 0,05$.

Интересно отметить, что села с низким средним возрастом матери имеются и в предгорьях (Доргели, Ленинаул), и на равнине (Львовское-1); и наоборот, превышение среднего по Дагестану возраста матери возможно как в горных селах (Кубачи в 2013 г., Кумух), так и на равнине (Цадах, Сулевкент) и в предгорьях (Тухчар).

По четырем из обследованных сел нам удалось получить также данные по среднему возрасту матери в 2011-2012 гг. Можно заметить, что ни в одном из этих сел возраст матери не изменялся монотонно, однако средний возраст матери в течение всего данного периода для этих сел даже ниже среднего возраста матери по сельскому Дагестану в целом.

Таблица 2. Средний возраст матери в отдельных селах Дагестана в 2011-2014 гг. без учета порядка рождений

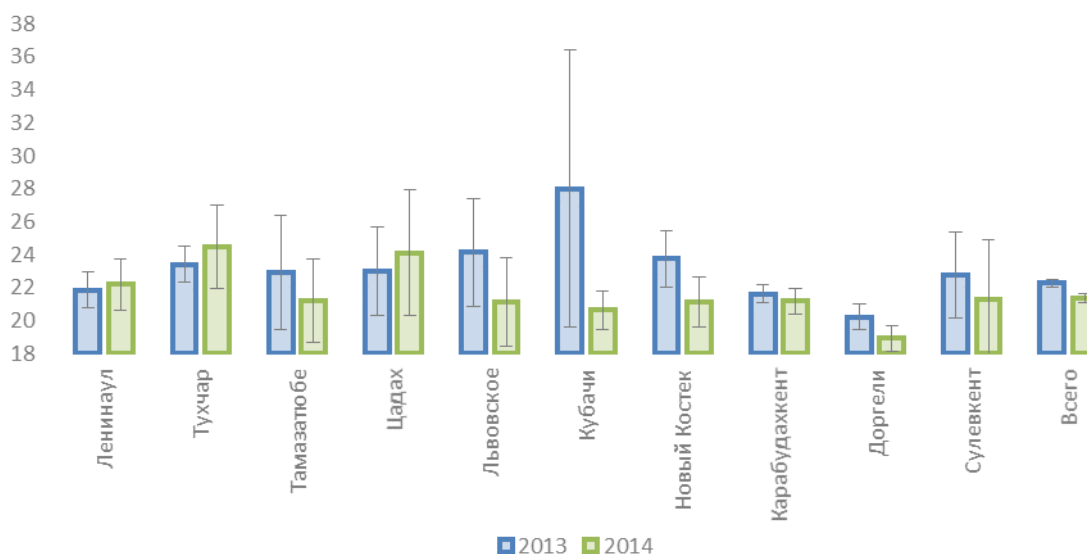
Село (национальность)	2011	2012	2013	2014
Ленинаул (аварки и чеченки)	24,80 (104)	25,61 (145)	25,21 (123)	24,83 (149)
Кубачи (даргинки)	25,45 (31)	26,15 (34)	27,82 (17)	24,19 (31)
Цадах (аварки)	28,85 (13)	25,47 (15)	27,18 (17)	26,78 (17)
Львовское-1 (кумычки)	24,81 (27)	24,46 (37)	26,29 (34)	24,28 (33)

Примечание: В скобках – общее число учтенных деторождений.

Отметим, что средний возраст матери при рождении ребенка зависит от распределения детей по порядку рождений. Следовательно, для получения более адекватной картины необходимо обратиться к среднему возрасту матери при рождении первого ребенка в изучаемых селах в 2013-2014 гг. К сожалению, значимость этого показателя в ряде сел может считаться низкой из-за малого количества деторождений. Лишь в четырех селах число рождений превышает 30 хотя бы в один из двух исследуемых годов (и только в Ленинауле и Карабудахкенте показатель превышен для обоих годов).

Средний возраст матери при рождении ребенка в сельском Дагестане по данным РосБРИС в 2013 г. составлял 23,68 года. Из обследованных сел этот уровень в 2013 г. был превышен только в трех, причем в двух из них (Кубачи, Львовском-1) общее число первых рождений было весьма низким (ниже 10), данные этих сел вряд ли могут быть статистически значимыми. Еще в одном селе, где показатель в 2013 г. был выше среднедагестанского (Новом Костеке), в 2014 г. возраст старта материнства снизился до 22,14 года. В целом в 2013 г. возраст матери при рождении 1 ребенка по нашей выборке составил 22,27 года, а в следующем - снизился до 21,36 года (тенденция к понижению отмечена и в РосБРИС, но там показатель все ещё выше 23 лет).

Рисунок 14. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в отдельных селах Дагестана в 2013-2014 гг.

Примечание: Доверительные интервалы строятся по нормальному распределению для числа наблюдений (деторождений) более 30 и по распределению Стьюдента для числа наблюдений менее 30.

Стоит отметить, что существует ряд причин более низкого возраста матери в нашей выборке по сравнению с общедагестанской, кроме возможного, как отмечалось выше, статистического переучета женщин в молодых репродуктивных возрастах. Во-первых, наша выборка не взвешена по представительству различных народностей в общем населении Дагестана, а также распределению по равнинам, горам и предгорьям. Во-вторых, при расчете среднего возраста матери мы используем число рожденных в данном году детей, а не возрастные коэффициенты рождаемости (поскольку не по всем селам на данный момент доступны данные о возрастной структуре). В-третьих, нам доступны данные не о возрасте, а о годе рождения матери, и, чтобы избежать возможного завышения при расчете возраста по формуле год наблюдения минус год рождения, мы взвешиваем число рождений не на середину, а на начало возрастного интервала, что также приводит к определенным неточностям.

4. ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ ОТСУТСТВИЯ «СТАРЕНИЯ» МАТЕРИНСТВА

В настоящем разделе мы обсуждаем возможные причины отсутствия «старения» материнства в сельском Дагестане.

Одна гипотеза может состоять в том, что омоложение рождаемости связано с исламизацией – процессом, который в постсоветском Дагестане, безусловно, затрагивает и семейную жизнь. Роль ислама как фактора, влияющего на рождаемость, многократно обсуждалась в литературе [Mazrui 1994; Morgan et al. 2002]. Высокая рождаемость в некоторых обществах рассматривается исследователями как следствие большой роли в их жизни ислама. Наоборот, сокращение рождаемости, которое наблюдается в последние десятилетия в большинстве мусульманских стран, многими исследователями связывается с

уменьшением регулирующей роли ислама в социуме [Heaton 1996; Hirschmann, Rindfuss 1980; Eltighani 2009; Barbieri et al. 1996; Shah 2004].

Вместе с тем сопоставление данных большого количества мусульманских стран показывает, что взаимосвязь между исламизацией и высокой рождаемостью может быть не столь сильной, как это нередко считается *a priori*. Э. Кауфманн [Kaufmann 2008] на основе результатов социологического проекта World Values Survey отмечает, что среди стран, где опросы в рамках данного проекта зафиксировали большую роль религиозных ценностей для населения, имеются и страны с достаточно низким (около 2 рождений на женщину) уровнем рождаемости (например, Азербайджан, Индонезия). С другой стороны, по данным того же исследования, имеются страны с преобладанием исламского населения, в которых относительно скромная роль религиозных ценностей соседствует с высокой рождаемостью (например, Танзания, Уганда). В работе Бермана и Степанян [Berman, Stepanyan 2003] исследуется взаимосвязь между рождаемостью в мусульманских семьях ряда стран и уровнем исламизации семьи, определяемым тем, посещают ли дети, имеющиеся в семье, светскую или исламскую школу. Обнаруживается, что превышение рождаемости в семьях, определяемых по этому индикатору как исламские, по сравнению с рождаемостью в других семьях существенно отличается от страны к стране. Однако ни в одной из исследованных авторами стран это превышение не выходит за рамки 30%. Такой результат, по мнению авторов, показывает, что исламизация влияет на рождаемость, но это влияние гораздо скромнее, чем влияние ряда других религий, в частности иудаизма (проявляемое в кратном превышении рождаемости у израильских религиозных ортодоксов над рождаемостью у остальных групп еврейского населения страны).

На данный момент мы можем высказать лишь предварительные суждения о том, в какой мере исламизация «ответственна» за омоложение рождаемости в Дагестане. Между некоторыми селами нашей выборки весьма заметен контраст по роли религии в жизни села. А именно: в селах Новый Костек, Ленинаул, Доргели и Карабудахкент, судя по интервью с местными жителями, проведенным в 2014-2015 гг., религия в организации сельской жизни играет первостепенную роль, что подтверждается такими явлениями, как активное участие сельского имама (имамов) и других религиозных авторитетов в решении различных вопросов жизни села, посещение пятничной молитвы абсолютным большинством взрослых мужчин и др. Несколько других обследованных сел, напротив, в настоящее время примечательны скромной ролью ислама в организации их жизни. Это села Кубачи, Кумух, Сулевкент и Тамазатюбе. По оставшимся селам сделать однозначного вывода о большой или малой роли ислама в жизни села не представляется возможным.

Как видно из рисунка 13, из четырех сел, где роль ислама велика, средний возраст материнства в 2013-2014 гг. был стабильно ниже, чем средний по всем изучаемым селам, только в Доргели и Карабудахкенте. При этом в трех из этих сел (Ленинауле, Карабудахкенте и Доргели) в 2013-2014 гг. средний возраст матери при рождении первого ребенка был ниже 23 лет (при среднем для сельского Дагестана - 23,68 года в 2013 г.). Еще в одном (Новом Костеке) возраст старта материнства был выше среднедагестанского в 2013 г., но в 2014 г. также опустился ниже 23 лет.

Однако низкие значения возраста материнства наблюдаются и для некоторых сел с малой ролью ислама в сельской самоорганизации, например Тазантюбе и Сулевкенте. Поэтому говорить о том, что села с низким уровнем исламизации регулярно имеют более высокий возраст материнства, нельзя.

Таким образом, на ограниченном пространстве рассматриваемых сел тезис о роли ислама в «нестарении» материнства в целом находит некоторое подтверждение, но требует дальнейшего изучения.

Обратимся к другому, отличному от «исламизации», варианту объяснения отсутствия «старения» рождаемости – объяснению через сохранность традиционных механизмов организации семьи, проявляемую прежде всего в следовании возрастным и гендерным иерархиям. Не рассматривая здесь общее определение концепта «традиционности», отметим, что применительно к возрасту материнства это понятие предполагает повторение в молодых поколениях тайминга основных демографических событий, включая рождения детей. Связь между «традиционностью» организации семьи и ранним стартом материнства продемонстрирована для ряда стран с преобладанием мусульманского населения, включая, например, Узбекистан [Barbieri et al. 1996].

Применительно к Дагестану объяснение замедления старения материнства сохранением традиционных характеристик семейной жизни проблематично прежде всего тем, что возраст материнства в Дагестане не был стабильным в постсоветское время, а также в последние советские десятилетия (рисунки 6, 7). При изменчивости возрастных характеристик рождаемости в последние несколько десятилетий признавать их нынешнее состояние как отражающее некую «традицию» можно только на базе достаточно произвольных допущений.

Таблица 3. Средний возраст матери разных национальностей в селе Тухчар в 2013-2014 гг. без учета порядка рождения

Национальность	2013	2014
Лачки	27,3 (24)	28 (11)
Чеченки	25,62 (16)	27,21 (14)
Аварки	27,16 (38)	26,97 (34)

Примечание: В скобках – количество наблюдений.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в определенных аспектах нынешний возраст материнства действительно отражает тенденции, присутствующие длительное время. Но это касается не общedaгестанской картины, а, скорее, случаев, с ней не гармонирующих. Так, например, возраст материнства (в том числе и при рождении первого ребенка) выше средних показателей в тех обследованных селах, где проживают лачки (см. рисунки 13, 14 и таблицу 1). Эта тенденция, видимо, не носит случайного характера. В разделе 1 мы видели (рисунок 3), что у лакцев сокращение рождаемости имело место в более ранних когортах, чем у других коренных народов Дагестана. Поздний возраст материнства у лакцев в изученных нами селах гармонирует с общим низким уровнем рождаемости у этого народа,

ранее других народов Дагестана прошедшего через массовую урбанизацию¹⁰. Возможность влияния семейных норм, закрепившихся у отдельного этноса, на возраст материнства подкрепляется данным по селу Тухчар, где лакцы проживают совместно с двумя другими народами. Как видно из таблицы 3, у лакцев значение среднего возраста матери в 2013-2014 гг. было выше, чем у соседей по селу.

Такие наблюдения позволяют предположить, что воспроизведение фертильного поведения от поколения к поколению внутри отдельных этносов может иметь место. Однако лакцы – по-видимому, единственный крупный народ, который по динамике параметров рождаемости заметно отличался в последние десятилетия от других народов Дагестана. Аргументом за то, что нынешние тенденции изменения возраста материнства связаны с сохранением каких-то традиционных норм, были бы контрасты по возрасту матери, наблюдаемые между большим количеством этносов.

5. Выводы

В настоящей статье были предложены различные свидетельства того, что в данное время в Республике Дагестан динамика возраста материнства отличается от общероссийской. Это выражается в происходящем в Дагестане снижении среднего возраста матери как без учета порядка рождения, так и при рождениях первого и второго порядка. На эту тенденцию указывают как различные официальные данные, так и предварительные данные нашего исследования по выборке дагестанских сел. В свете изложенного в статье нет оснований считать, что замеченные тенденции являются «артефактом», вызванным ненадежностью данных.

Поиски объяснения этого феномена, естественно, ведут к вопросу, с какими социальными причинами он может быть связан. Как мы видели, в исследованиях рождаемости в зарубежных странах среди прочих отмечаются два фактора, способных «тормозить» старение материнства, ожидаемое при снижении общего уровня фертильности. Это, во-первых, большая роль ислама в изучаемом социуме, и во-вторых, высокая степень сохранности традиционного уклада семейной жизни. Мы видели, что для Дагестана предварительно имеется больше оснований предполагать действенность первого, а не второго фактора.

Гипотеза, что именно ислам «поддерживает» сегодня относительно молодой возраст материнства в Дагестане, имеет перспективы детальной проверки потому, что по степени соблюдения исламских норм этот регион неоднороден, различные села существенно различаются в этом отношении. В приведенных нами примерах видно, что именно села, где эти нормы соблюдаются более строго, отличаются более «молодым» материнством, однако

---

¹⁰ По данным ВВП-2010 процент городского населения среди лакцев составил 71,9% при общedaгестанском уровне в 45,2%. Лакцы – один из самых «городских» народов Дагестана. Можно предположить, что это влияет и на снижение «сельской» рождаемости у этого народа, потому что между городом и селом в Дагестане имеются достаточно интенсивные связи на уровне родственников, а материнство в городе, как предполагается, стандартно «старше» сельского. Исходя из этого, можно ожидать, что у этноса с наиболее высокой долей городского населения в результате «диффузного» влияния городских родственников на сельских материнство на селе тоже будет «стареть».

связь между возрастом матери при рождении первого ребенка и соблюдением исламских норм не так очевидна. Вместе с тем можно предположить, что уровень соблюдения норм ислама – в большей степени индивидуальный параметр, а не характеристика, относящаяся к целым селам. Соответственно гипотеза о роли ислама как причины «молодого» материнства должна быть проверена в рамках индивидуального выборочного анкетирования матерей разных возрастных групп, которое проводится нами в Дагестане в настоящее время.

Список сокращений

ВПН-2002 - Всероссийская перепись населения 2002 г.

ВПН-2010 - Всероссийская перепись населения 2010 г.

РосБРИС - Российская база данных по рождаемости и смертности Центра демографических исследований Российской Экономической Школы (ЦДИ РЭШ)

СКР - суммарный коэффициент рождаемости

СОР - средняя очередность рождений

ФСС - Фонд социального страхования

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 11: 21-35.

Богоявленский Д.Д. (2008). Все ли российские народы верно посчитали? // Демоскоп Weekly: 319 – 320. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (дата обращения: 27.05.2016).

Богоявленский Д.Д. (2012). Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly: 531 - 532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения: 27.05.2016).

Всероссийская перепись населения 2010 (2010). Том 10. Рождаемость. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 27.05.2016).

Демографический ежегодник России 2015 (2015). Статистический сборник. М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf (дата обращения: 27.05.2016).

Приложение Демоскоп Weekly (2016). Коэффициент суммарной рождаемости по субъектам Российской Федерации, 1990-2014.

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr_gor.php; Возрастные коэффициенты рождаемости по субъектам Российской Федерации, 1990-2015 URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_asfr.php (дата обращения: 27.05.2016).

РосБРИС (2016). Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы (ЦДИ РЭШ). URL: <http://demogr.nes.ru/> (дата обращения: 27.05.2016).

Barbieri M., A. Blum, E. Dolgikh, A. Ergashev (1996). Nuptiality, fertility, use of contraception, and fertility policies in Uzbekistan // Population studies. 50(1): 69-88.

- Berman A., A. Stepanyan (2003). Fertility and education in radical islamic sects: evidence from Asia and Africa // NBER working paper.
- Bongaarts J. (2006). The causes of stalling fertility transitions // *Studies in family planning*. 1(1): 1-16.
- Bongaarts J. (2008). Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? // *Studies in family planning*. 39 (1): 105-110.
- Cetorelli V., T. Leone (2012). Is fertility stalling in Jordan? // *Demographic research*. 26(13): 293-318.
- Eltighani E. (2009). Toward replacement studies in Egypt and Tunisia // *Studies in family planning*. 40(3): 215-226.
- Ezeh A.C., B.U. Mberu, J.O. Emina (2009). Stall in fertility decline in Eastern African countries: regional analysis of patterns, determinants and implications // *Philosophical transactions of the royal society*. 364: 2991-3007.
- Heaton T. (1996). Socioeconomic and Familial status of women associated with age at first marriage in three islamic societies // *Journal of comparative family studies*. 27(1): 41-58.
- Hirschmann C., R. Rindfuss (1980). Social, cultural, and economic determinants of age at birth of first child in Peninsular Malaysia // *Population studies*. 34 (3): 507-518.
- Kaufmann E. (2008). Islamism, religiosity and fertility in the Muslim World. Paper presented at the 2008 EPC conference. Barcelona, Spain, 8 -11 July.
- Mazrui Ali A. (1994). Islamic doctrine and the politics of induced fertility change: an African perspective // *Population and development review; supplement volume: the new politics of population: conflict and consensus in family planning*: 121-134.
- Morgan P.S., S. Stash, H.L. Smith, K.O. Mason (2002). Muslim and non-muslim differences in female autonomy and fertility: evidence from four Asian countries // *Population and development review*. 28(3): 515-537.
- Shah N. (2004). Women's socioeconomic characteristics and marital patterns in a rapidly developing muslim society // *Journal of comparative family studies*. 35(2): 163-183.
- Zakharov S., E. Ivanova (1996). Fertility decline and recent changes in Russia: on the threshold of the second demographic transition // *Russia's demographic crisis*. Rand corporation: 36-83.

REJUVENATION OF THE MOTHERHOOD IN DAGESTAN: A TENDENCY OR AN ARTEFACT? (THE PRELIMINARY RESULTS OF THE RURAL POPULATION SURVEY)

KONSTANTIN KAZENIN, VLADIMIR KOZLOV

This article is devoted to the dynamics of the mean age of child-bearing in Dagestan, an indicator which has differed significantly from the overall Russian trend within the last decade. The paper is based both on data from official sources and preliminary results from field research conducted by the authors in the rural areas of Dagestan. The data from both sources strongly supports the idea of a decrease in the childbearing age in the republic both for the mean age of childbearing (MAB) without parities and for the mean age of childbearing at first and second births.

The existing literature highlights, among others, two main factors inhibiting the increase of the MAB usually expected with a decrease of the total fertility rate. These are, first of all, the important role of religion (mainly Islam) in the society, and secondly, the "patriarchal" [I'm not sure that in Dagestan 'traditional' necessarily means 'patriarchal'; my own experience with Dagestanis makes me wonder if it isn't more matriarchal!] structure of the family. Our preliminary results lead us to the conclusion that the first factor is more important.

Key words: demographic transition, mean age of childbearing, Dagestan.

KONSTANTIN I. KAZENIN (kz@ranepa.ru), THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

VLADIMIR A. KOZLOV, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED: JUNE 2016.

REFERENCES

- Andreev E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perezisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [About the accuracy of the Russian census data and the assurance of different demographic sources] // *Voprosy statistiki* [Problems in statistics]. 11: 21-35.
- Barbieri M., A. Blum, E. Dolgikh, A. Ergashev (1996). Nuptiality, fertility, use of contraception, and fertility policies in Uzbekistan // *Population studies*. 50(1): 69-88.
- Berman A., A. Stepanyan (2003). Fertility and education in radical islamic sects: evidence from Asia and Africa // NBER working paper.
- Bogoyavlenskiy D.D. (2008). Vse li rossiyskie narody verno poschitali? [Were all the Russian nations calculated properly?] // *Demoscope Weekly*: 319-320. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (accessed: 27.05.2016).
- Bogoyavlenskiy D.D. (2012). Perepis' 2010: etnicheskiiy srez [Census 2010 from the ethnic point of view] // *Demoscope Weekly*: 531 - 532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (accessed: 27.05.2016).
- Bongaarts J. (2006). The causes of stalling fertility transitions // *Studies in family planning*. 1(1): 1-16.
- Bongaarts J. (2008). Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? // *Studies in family planning*. 39(1): 105-110.

- Cetorelli V., T. Leone (2012). Is fertility stalling in Jordan? // *Demographic research*. 26(13): 293-318.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2015 [Demographic yearbook of Russia, 2015] (2015). Statisticheskiy sbornik [Statistical yearbook]. Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf (accessed: 27.05.2016).
- Eltighani E. (2009). Toward replacement studies in Egypt and Tunisia // *Studies in family planning*. 40(3): 215-226.
- Ezeh A.C., B.U. Mberu, J.O. Emina (2009). Stall in fertility decline in Eastern African countries: regional analysis of patterns, determinants and implications // *Philosophical transactions of the royal society*. 364: 2991-3007.
- Heaton T. (1996). Socioeconomic and familial status of women associated with age at first marriage in three islamic societies // *Journal of comparative family studies*. 27(1): 41-58.
- Hirschmann C., R. Rindfuss (1980). Social, cultural, and economic determinants of age at birth of first child in Peninsular Malaysia // *Population studies*. 34 (3): 507-518.
- Kaufmann E. (2008). Islamism, religiosity and fertility in the Muslim World. Paper presented at the 2008 EPC conference. Barcelona, Spain, 8 -11 July.
- Mazrui Ali A. (1994). Islamic doctrine and the politics of induced fertility change: an African perspective // *Population and development review; supplement volume: the new politics of population: conflict and consensus in family planning*: 121-134.
- Morgan P.S., S. Stash, H.L. Smith, K.O. Mason (2002). Muslim and non-muslim differences in female autonomy and fertility: evidence from four Asian Countries // *Population and development review*. 28(3): 515-537.
- Prilozheniye Demoskop Weekly [Demoscope Weekly Supplement] (2016). Koeffitsiyent summarnoy rozhdayemosti po sub'yektam Rossiyskoy Federatsii [Total fertility rates by rates by regions of the Russian Federation], 1990-2014. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr_gor.php; Vozrastnyye koeffitsiyenty rozhdayemosti po sub'yektam Rossiyskoy Federatsii [Age-specific fertility rates by regions of the Russian Federation], 1990-2015 URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_asfr.php (accessed: 27.05.2016).
- RosBRiS (2016). Rossiyskaya baza dannykh po rozhdamosti i smertnosti, Tsentr demograficheskikh issledovaniy Rossiyskoy ekonomicheskoy shkoly [Russian fertility and mortality database, Centre for demographic research at the New economic school]. URL: <http://demogr.nes.ru/> (accessed: 27.05.2016).
- Shah N. (2004). Women's socioeconomic characteristics and marital patterns in a rapidly developing muslim society // *Journal of comparative family studies*. 35(2): 163-183, 2004.
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 [All-Russian population census 2010] (2010). Tom 10. Rozhdaemost' [Volume 10. Fertility]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 27.05.2016).
- Zakharov S., E. Ivanova (1996). Fertility decline and recent changes in Russia: on the threshold of the second demographic transition // *Russia's demographic crisis*. Rand corporation: 36-83.